X 1975

1 6 5

ТУ 19—32—73

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—906

РГДБ 2015
В. ЖЕЛЕЗНИКОВ
Чудак из пятого „Б"
ХУДОЖНИК В. СТЕПАНОВ

Эта история началась неожиданно. Сижу я на перемене, и вдруг влетела в наш класс старшая вожатая Нина и сказала: «А я по твою душу, Збандуто».— «Что это вдруг? — удивился я.— Вроде ещё ничего не случилось».

—Ребята,—торжественно начала Нина.—Совет дружины назначил вожатым в первый класс «А»... Бориса Збандуто!

—«Донато,—закричал мой лучший друг Сашка, перевирая мою фамилию.—Он научит их получать двойки».—«Бандито,—выкрикивали другие.—Он научит их лупить девчонок!..»—Вот, оказывается, как они обо мне думают, а ещё товарищи.

—«Ну, хватит, посмеялись и хватит!—сказала Нина.—Согласен, Збандуто?»—«Согласен»,—ответил я и вызывающе оглядел притихший класс.

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки.—«Нам нужен Боря...З...З... Занудо».—«Это я... Будем знакомы».

Я вошёл в первый класс как хозяин. На доске большими буквами было выведено: «Боре — ура!» — «Ну, это уже слишком, — сказал я. — Давайте знакомиться. Тебя как зовут?» — спросил я у девочки, которая приходила за мной. — «Наташа Морозова».

—У нас две Наташи. И обе дуры!—выкрикнул какой-то остро-
слов мне в спину.

Я угрожающе подошёл к нему.—«А тебя как зовут?»—«Генка».—«А сколько у вас в классе Генок?»—«Трое».—«Надеюсь, не все такие умные?»

Ребята рассмеялись, и Генка тоже.

А в это время я увидел в окно, что наш пятый «Б» начал играть в футбол с пятым «А». И Сашка тоже был, конечно, среди игроков. Надо было срочно как-то отделаться от малышей.

—А сейчас мы возьмём портфели и ранцы и дружно побежим домой. Только бегом! Понятно?—Они, конечно, не поняли, что я просто решил от них сбежать, и дружно схватили портфели.—Приготовились! За мной!

Но не так-то было легко от них отделаться. Стою в воротах. Слежу за мячом. И вдруг появляется Наташа Морозова.— «Боря, там собака, а я боюсь. Ты меня не проводишь?» — Я едва не пропустил мяч. Нет, вы видели? У всех ребят детство — лучшая пора жизни, а у меня каторга. В футбол не дают поиграть!..

—«Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша,—сказал я на ходу.–Я в няньки не нанимался».—«У меня папа в Африку уехал».—«Куда, куда?—возмутился я.—А ты хоть знаешь, что такое Африка? Эх ты, врунишка!»

Она вдруг остановилась.—«Я никогда не вру».—«Совсем?»—«Совсем... Я не умею».—«Не горюй,—я похлопал её по спине.—Этому я тебя научу».—«Зачем?»—глаза у Наташки превратились в пятаки.

Мы подошли к школьным воротам и увидели привязанную к изгороди маленькую собачонку.— «И ты её испугалась?!» — возмутился я.— «Она кусается».— Наташка крепко взяла меня за руку. Не отталкивать же её было.

В это время я заметил Сашку. Он сосал леденец и презирал меня. А потом стал кричать, что они продули игру из-за меня, что я поставил в ворота размазню и что я предатель.

—«Так вы проиграли»,—разочарованно сказала Наташка.— «А ты валяй отсюда, шмокодавка!»—И я добавил: «Иди-иди! Тебе пора».

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол!

—«Спокойно. Я здесь».—Наташка радостно схватила меня за руку: «А я с тобой, Боря, собак не боюсь».

Потом я догнал Сашку. Но он не пожелал со мной разговаривать. А я ему сказал: «Хочешь, завтра подам заявление. У нас с тобой одна жизнь. Нам вместе жить да жить. А что мне эти первоклашки?»

Через два дня в портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу с высокого поста вожатого. И действительно, эти первоклассники сделали из меня няньку. И к зубному врачу я Генку водил, и Наташке платье зашивал, и Толе при всех штаны застёгивал...

—«Так,— сказала Нина,— значит, работа вожатого мешает твоей личной жизни? Ты вот за всё время так ничего и не придумал для малышей».—«Придумал,—возразил я.—Надо отвести их в автоматическую фотографию. Они ведь люди будущего. Им технику и автоматику подавай».

И вдруг я, неизвестно почему, выхватил у неё своё заявление, пролетел по коридорам, ворвался в первый «А» и написал на доске: «ЗАВТРА ПОСЛЕ УРОКОВ ИДЁМ ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ. БОРИС».

А фотография-автомат — великолепная вещь! Генка, отчаянная голова, снялся с оскаленными зубами. Толя прилепил к подбородку обрывок газеты. А Наташка сфотографировалась в африканской шляпе! Да, это был полный восторг, полное взаимопонимание и дружба.

А потом мы ходили в бассейн. Я решил сделать из своих первоклассников пловцов. По приказу тренера ребята разделись и сбились стайкой вокруг меня. Холодно им и непривычно. Смешные они: худенькие, тоненькие.

Тренер осмотрел ребят и выбрал из всей нашей компании только одну девочку — Зину Стрельцову. — «На международных соревнованиях проигрываете, — возмутился я, — а когда к вам приходит пополнение, то выгоняете».

После этого разговора мы остались на показательные выступления, и когда наш тренер поплыл, то я его освистал. И меня вывел милиционер.

А потом произошла катастрофа. Меня посадили караулить первоклашек на контрольной. Их учительница заболела. Я прошёлся по рядам. Почти у всех одинаковые ошибки.

Я вырвал листок из тетради, решил на нём примеры, оставил его на учительском столе, а сам отошёл к окну. Краем глаза я заметил, что мой листок исчез.

На следующий день я раздавал контрольные под крики ребят: «У меня пятёрка! У меня четвёрка! Пятёрка! Четвёрка!»

И вдруг Наташка говорит: «А у меня двойка».—«Девчонка,— закричал Генка,—даже списать не сумела!»—«Не захотела»,— срезала его Наташка. Она посмотрела на меня. Вот это был взгляд! Прямо пригвоздил меня к позорному столбу.

В этот день я поймал её после уроков. Она молчала. А я старался вовсю. Унижался, прыгал, хохотал. Просто ужас, до чего мне хотелось с нею помириться.

И тут ко мне пришло спасение: одинокая страшная собака.
Всё-таки мир не без добрых собак!

—«Не бойся, я здесь»,—сказал я. Наташка на мгновение остановилась...

Потом прошла мимо собаки так вызывающе близко, что красный шершавый собачий язык почти коснулся её плеча.

А я остался один. Представляю, какое у меня было лицо. 37

После этого я пошёл к Нине и рассказал ей всю правду.— «Что теперь делать с этим первым «А»— не знаю,— сказала Нина.— Ведь их принимают в октябрята».— Я испугался, что из-за меня их не примут, и сказал: «Они же маленькие. А их запугали: контрольная, контрольная. Вот я их и поддержал».

—Да, ты всегда был чудаком,—сказала Нина.—Может быть, ты когда-нибудь станешь управляем, тебе тогда цены не будет. А пока ты к ним больше не ходи... Я тебя отстраняю.

Я сказал Сашке: «У меня новость хорошая, я больше не вожатый». — «Такого человека сняли, — неожиданно возмутился Сашка. — Но мы этого не оставим. А хочешь, я пойду к директору и всё ему объясню». — «Не надо. Что заслужил, то и получил».

А на следующий день к нам в класс ворвался Генка и закричал, что Наташку увезли в больницу. У неё заболел живот. Я побежал в учительскую.

Когда я вышел из учительской, весь первый «А» стоял у дверей.—«У неё аппендицит. Ей сейчас делают операцию. Я иду в больницу. Кто хочет, может пойти со мной».

Я ворвался в больницу в тот момент, когда в раздевалку вышел мужчина в белом халате: «Что ты здесь делаешь?» — спросил он. — «Одной девочке, Наташе Морозовой, сделали операцию, а я пришёл узнать». — «Ты её брат?» — «Нет. Я — вожатый. Только я не один».

Я подвёл его к окну. Там во дворе на скамейке сидели мои малыши. Они сжались в комочки и болтали ногами. Издали они были похожи на воробьёв, усевшихся на проводах.

Врач ушёл. А я разволновался до ужаса. Я, когда волнуюсь, не могу сидеть на месте: хожу и хожу.

Наконец врач снова появился.—«Можете спокойно отправляться домой,—сказал он.—Ваша подружка хорошо перенесла операцию. Приходите к ней завтра».

Он снял халат, и мы вместе вышли во двор.—«Что-то у меня сегодня хорошее настроение. От души рад познакомиться с Вами, Борис...—Он замялся.—С какой-то невозможно сложной фамилией».—«Збандуто»,—подсказал я.

Ух, как я обрадовался! Ну просто еле сдержался, чтобы не броситься ему на шею. До чего же мне была дорога эта глазастая Наташка. Значит, она ему сказала про меня, значит, она мена простила.

Малыши окружили меня.—«Она во время операции даже ни разу не крикнула»,—сказал я.—«Вот это да!—восхитился Генка.—Вот это сила!»—Остальные ничего не сказали, такие они были сдержанные.

Дети окружили меня, и мы двинулись по улице. Нравилось мне, что они у меня «один за всех и все за одного». Именно так и надо будет жить в двадцать первом веке.

РГДБ
2015
КОНЕЦ
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор В. Иванов
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1975 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-155-75
51